

ЭМОЦИИ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

ГЛЕБ КОЦУР

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Резюме

В фокусе внимания статьи находится эмоциональный поворот последних десятилетий в социальных науках, в рамках которого их представители уделяют внимание изучению общественного и политического измерения коллективных эмоций, чувств и аффектов. Прежнее доминирование биологической и эссенциалистской парадигмы сменилось культуроцентричными подходами на базе социального конструктивизма благодаря работам в двух дисциплинах — антропологии эмоций и истории эмоций. Наследием подобной научной революции стало акцентированное изучение уникальных особенностей в ущерб попыткам исследований общих повторяемых феноменов, потому что эмансипироваться от биологической парадигмы означало показать множественность эмоциональных паттернов во времени и пространстве. Наука о международных отношениях также оказалась затронутой эмоциональным поворотом, что выразилось в начале 2000-х годов в оформлении соответствующей области конструктивистских исследований. Объектом данной работы выступила транснациональная структурная общность — коллективные эмоциональные паттерны, которые обладают повторяемостью и функционируют поверх государственных границ. Отсутствие концептуализации данного феномена объясняется наследием интеллектуальной традиции антропологии и истории эмоций, а также особенностями постпозитивистской онтологии, в рамках которой коллективный субъект каждый раз конституируется новым взаимодействием. Цель статьи — восполнить эпистемологический вакуум и наметить пути концептуализации транснациональной структурной общности, так как именно наука о МО представляется профильной для этого областью знания. Примером транснациональной структурной общности является кризисное реагирование после террористических атак, которое автор исследует через теоретико-методологическую рамку эмоциональной культуры С. Кошута в сочетании с понятием эмотивов У. Редди. Речи лидеров Израиля, США, России, Индии и Франции после шести терактов с 1972 по 2015 годов позволяют выявить единую троичную эмоциональную структуру, неизменно наблюдаемую в каждом рассматриваемом случае. Она включает в себя эмотив сожаления; компенсаторную конструкцию, состоящую из эмотивов борьбы со страхом через ответную решимость; наконец, эмотив солидарности. Данная дискурсивная конструкция функционирует и обладает устойчивостью благодаря тому, что эмоциональный код соединяет тип события (терракт) с культурным сценарием (троичная структура). Автор предлагает в будущем продолжать изучение транснациональной структурной общности через концепцию эмоциональной культуры, а также при необходимости прибегать к эпистемическим интервенциям из смежных областей, например социологического институционализма с его фокусом на исследования изоморфизма.

Ключевые слова:

эмоциональный поворот; социальный конструктивизм; постпозитивизм; дискурс; эмоциональная культура; эмоциональные коды; культурные сценарии; международный терроризм; борьба с террором.

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.03.2021

Дата принятия к публикации: 27.05.2021

Для связи с автором / Corresponding author:

Email: glebk17@gmail.com

Введение

С конца XX в. представители социальных наук фиксируют эмоциональный поворот в изучении общественных процессов [Lemmings, Brooks 2014], который характеризуется повышенным вниманием к культурному измерению в исследовании эмоций, чувств и аффектов¹. Он пришел на смену биологической парадигме с её эссенциализацией эмоций, где последние рассматривались как природная, врожденная характеристика субъекта, изучать которую призваны естественные науки. Поворот стал возможным благодаря прорывным работам в двух дисциплинах начиная с 1980-х годов: антропологии и истории эмоций. Они показали, что эмоции имеют культурное происхождение и отличаются от социума к социуму. Также в научный оборот были введены ключевые концепции и обозначены центральные проблемы изучения влияния эмоций на социальные отношения. Наука о международных отношениях не осталась в стороне от эмоционального поворота, хотя и восприняла его с некоторым запаздыванием по сравнению с другими дисциплинами в 2000-х годах [Crawford 2000]. За последние 20 лет исследования эмоций в МО превратились (впрочем, не в России) в бурно развивающуюся область знания, в которой количество работ только увеличивается [Hutchison 2019].

Досадной особенностью социальных исследований эмоций стала концентрация на выделении уникальных особенностей чувствования в различных обществах в ущерб изучению общих повторяемых феноменов. Подобный акцент, характерный для постнеклассического этапа развития науки с его фокусом на единичном, генеалогически объяснялся обстоятельствами зарождения дисциплин: на первом этапе антропологии и истории эмоций необходимо было эмансипироваться от биологической пара-

дигмы, доказать своё право на существование, показав культурное измерение эмоций. В практическом плане это означало выявить множественность эмоциональных паттернов в пространстве и времени. Если эмоции детерминируются природой, то они должны быть везде одинаковыми (с отличиями лишь в форме выражения), а если социумом – то различные, так как формируются в рамках непохожих друг на друга обществ и культур.

Наука о международных отношениях продолжила тенденцию, заложенную в смежных областях исследований. Э. Хатчисон и Р. Блейкер выделяют две составляющие эмоционального поворота: микроподходы фокусируются на уникальных эмпирических кейсах, а макроподходы отвечают за абстрактный уровень теоретического обобщения [Hutchison, Bleiker 2014]. При этом от внимания исследователей ускользало то, что в настоящей работе будет называться транснациональной структурной² общностью³ – коллективными эмоциональными паттернами, которые обладают повторяемостью и функционируют поверх государственных границ. Эти паттерны содержатся, передаются и репрезентируются дискурсивно. Внутри биологической парадигмы наличие общности можно объяснить врожденными реакциями, но социальные науки требуют культуроцентричного ответа. В исследованиях эмоций в международных отношениях транснациональная структурная общность практически игнорируется из-за фокуса на уникальном и особенностях постпозитивистской онтологии, когда коллективный субъект каждый раз конституируется новым взаимодействием. Тем не менее именно международные исследования лучше других направлений общественно-научного знания подходят для её фиксации. Историки концентрируются на темпоральных изменениях, антропологи и

¹ В данной статье мы не будем касаться терминологических дебатов о соотношении категорий «эмоции», «чувства» и «аффекты», используя их синонимически, а также необъятных междисциплинарных дискуссий об определении эмоций, следуя их рабочей дефиниции У. Редди как «активированного когнитивного материала, который направлен на некоторую цель и обрабатывается со скоростью, превышающей порог внимания» [Reddy 2001: 128].

социологи работают со слишком малыми социальными группами, а политические компаративисты не ставят задачей исследовать влияние международной среды на национальные случаи.

Цель данной статьи – восполнить существующий пробел и наметить пути концептуализации транснациональной структурной общности в науке о международных отношениях. Для этого в первом разделе мы проследим, как антропология и история эмоций пересмотрели доминировавшие в рамках биологической традиции представления относительно эмоций. Во втором разделе проведём обзор исследований эмоций в международных отношениях через призму оси «уникальное – общее». В третьем разделе представлены случаи кризисного реагирования на теракты с акцентом на выступлениях национальных лидеров как свидетельство существования транснациональной структурной общности. Для их концептуализации выбрана категория эмоциональной культуры С. Кошута [Koschut 2017]. Наш подход дополняется на методологическом уровне понятием эмотива У. Редди [Reddy 2001: 63–112] для нужд прикладного дискурсивного исследования. Совмещение вышеупомянутых концепций позволяет не только осмыслить рассматриваемый феномен, но и наметить пути развития дискуссии о политических эмоциях в России и мире.

От биологии к культуре:

диалектика общего и уникального

Оставив в стороне перипетии философского осмысления вопроса [Nussbaum 2013: 27–82], заметим, что роль эмоций в общественной жизни попала в поле внимания представителей социальных наук уже в XX веке. Ещё один из лидеров школы

«Анналов», историк Л. Февр, в 1941 г. опубликовал статью «Чувствительность и история», в которой заявил о необходимости изучения истории эмоций, выражение которых и сам их спектр разительно отличался в Средние века и в позднее Новое время [Плампер 2018: 66]. Вторым важным теоретиком эпохи выступил исторический социолог Н. Элиас. В работе «О процессе цивилизации» он сформулировал подход к изучению механизмов функционирования европейского Модерна, в том числе в области аффектов [Elias 2000]. Согласно Элиасу, вся история современности Старого Света – это линейное движение в сторону всё большего контроля личности над собой и другими, не в последнюю очередь в эмоциональной сфере.

Работы Февра и Элиаса приобрели статус классических, но долгое время оставались едва ли не единственными примерами культуроцентричного подхода к исследованию эмоций. Наследие логоцентризма эпохи Просвещения, бихевиоризм и господство теории рационального выбора в послевоенных социальных науках привели к эссенциализации эмоций, восприятию их как природного явления и вынесению за пределы исследовательских моделей. Ситуацию изменили приход постмодернизма, постпозитивистская революция и экспансия социального конструктивизма в науках об обществе. Сначала Ж. Деррида [Derrida 2016] и М. Фуко [Foucault 1988] деконструировали рациональную часть субъекта; затем очередь дошла и до эмоций. На острие культуроцентричной атаки на биологическую парадигму в 1980-х годах находились две дисциплины – антропология эмоций и история эмоций. Задача у них была общей: показать не единство, а множественность эмоциональных паттернов

² Под «структурой» в работе понимается культурная конструкция, обеспечивающая повторяемость паттернов коллективных политических эмоций благодаря наличию связи между типом события и публичным образом чувствования.

³ «Общность» в данном контексте означает повторяемость, которая не является случайной, так как обусловлена культурой (а именно, вышеуказанной связкой). «Общее» («common») здесь следует отличать от «универсального» («universal»). Второе внутри исследований эмоций принято соотносить с биологическими эмоциональными характеристиками человека, в то время как за первым стоят механизмы культурного воспроизводства.

в пространстве и времени. Ведь если эмоции детерминируются не универсальной биологией человеческого организма, а культурными установками, то в разных обществах аффективные реакции будут значительно отличаться.

Обратимся к антропологии эмоций. Общая логика наиболее значимых работ выглядела следующим образом: исследователи-конструктивисты, среди которых выделяются М. Розалдо, Л. Абу-Лаход и К. Латц [Rosaldo 1980; Abu-Lughod 2016; Latz 1988], отправлялись в незападные сообщества – север Филиппин, запад Египта, атолл Ифалик в Юго-Западной части Тихого океана. Их полевые исследования позволили констатировать: то, что называется эмоциональной сферой на Западе и в этих локальных сообществах, существенно различалось. Одни чувства вообще не имели привычных западных аналогов, а другие были бы восприняты как комбинация нескольких эмоций одновременно. В результате Латц пришла к выводу, что даже использовать категорию «эмоции» означает проявлять европоцентризм, так как это западное понятие. В других обществах оно по-другому связано с тем, что мы бы назвали рациональностью внутри субъекта [Latz 1988: 56–73].

Не меньшее внимание уникальным особенностям придавали представители и другой дисциплины – истории эмоций. Например, супруги Питер и Кэрол Стернзы предложили изучать не эмоции как таковые, а эмоциологию – устойчивые нормативные предписания относительно надлежащих чувств для отдельных социальных групп в разные исторические периоды [Stearns, Stearns 1985]. Преимущественно на эмпирическом материале сборников по этикету они показали, что эмоциональные стандарты претерпевали изменения от эпохи к эпохе. В ядре другой важнейшей теории дисциплины оказалась концепция эмоциональных сообществ Б. Розенвейн, разработанная на материале раннего Средневековья. Уже существовавшие социальные сообщества: семьи, кварталы, парламенты, цеха, монастыри,

церковные приходы – могли разрабатывать собственные системы чувствования, объединенные прежде всего тем, что члены считали вредным/ценным, какие оценки давали эмоциям других, и каковы были аффективные связи между членами [Rosenwein 2006: 1–31].

Центральную роль в развитии исследований истории эмоций сыграла книга британского историка У. Редди «Навигация чувств», посвященная эпохе сентиментализма и Великой французской революции [Reddy 2001]. Изложенная им модель предполагает, что на низовом уровне сосуществуют множество эмоциональных стилей, которые появляются из разных источников и потом эволюционируют в ходе практического использования. В целях властвования государство устанавливает эмоциональный режим – поощряет один из стилей и вводит наказание (от общественного порицания до уголовного преследования) за демонстрацию других. Это вызывает у людей конфликт целей, когда эмоциональные стили переименовываются. Например, революционное государство после 1789 г. требовало от каждого публичного осуждения «врагов народа», что противоречило гуманистическим установкам, а зачастую родственным или дружеским чувствам и проводило к эмоциональному страданию. Изучать эмпирический материал Редди предлагал через мотивы – речевые акты в широком смысле, связанные с выражением эмоций [Reddy 2001: 331].

Все перечисленные теории отличаются диалектичностью перехода от общего к уникальному. В подходе Стернзов эмоциология отражает единство эмоциональных установок в отдельный период у некоторой части общества, но исследователи фокусируются на изменчивости таких норм в хронологическом разрезе. Аналогично и эмоциональные сообщества существуют исключительно благодаря гомогенности чувствования внутри них. Вместе с тем теория Розенвейн – это гимн партикулярности, когда в социуме сосуществует, перескакивается, конфликтует множество эмо-

циональных сообществ, которые при этом внутренне меняются. Наконец, модель эмоциональных режимов Редди подразумевает унификацию государством эмоциональных установок на больших территориях, но только в ходе исследования Франции 1780–1820 годов режим изменился не менее четырех раз. Я. Плампер, систематизировавший историю эмоций, отмечал, что, «похоже, словосочетание «эмоциональный режим» надо последовательно употреблять во множественном числе» [Плампер 2018: 426]. Иными словами, как и в антропологии, ключевые теории истории эмоций представляют собой акцентирование изменчивости и разнородности эмоционального восприятия.

С учетом написанного возможно сделать два вывода. *Во-первых*, исследователи обозначили потенциал концептуализации структурной общности. Если мы более не верим в идею детерминации нашего эмоционального отношения к неким участкам действительности исключительно физиологическими процессами в долях головного мозга, то эта общность должна объясняться через культуру. Представляется, что ключевым значением здесь обладает элемент связи между ситуацией в жизни, её оценкой и тем, что американский антрополог К. Гирц называл «публичным образцом чувствования» [Geertz 1973: 82]. Иными словами, люди сталкиваются с некоторыми событиями/ситуациями, декодируют их в культурных терминах, оценивают и связывают с надлежащим образцом чувствования

— тем, какие эмоции человек должен испытывать в подобный момент в принципе [Frijda, Mesquito 1994: 54]. Повторяемость, «структура» в структурной общности работает благодаря наличию такой связки. Наиболее отчётливо эта логика выражена в работах Редди, когда государство через эмоциональный режим предписывает людям испытывать определённые эмоции в конкретной ситуации. Вместе с тем перенести данную теорию в политологию и международные исследования можно только в редуцированном или рамочном виде: рассмотренные модели из истории эмоций слишком прочно укоренены в исторической науке. Например, в одном из трудов Редди написал о различных эмоциональных режимах либеральных демократий и автократий [Reddy 1999: 273–275], но его мысль не получила дальнейшего развития.

Во-вторых, благодаря истории эмоций и антропологии эмоций сегодня становится возможным разговор о теме без привязки к биологии⁴. Это отнюдь не значит, что другие дисциплины остаются вне эмоционального поворота [Vericat 2016]. Тем не менее именно благодаря пионерским работам двух вышеуказанных дисциплин исследование не только выражения эмоций, но и их самих через культуру и общество стало парадигмальным в терминах Куна. В следующем разделе будет показано, каким образом данный импульс и проблема структурной общности нашли отражение в науке о международных отношениях⁵.

⁴ Начиная с 1990-х годов наблюдается лавинообразный рост популярности применения нейронаук в исследованиях эмоций в том числе и в социальных науках. Однако мы не будем использовать их результаты в данной работе по двум причинам. Во-первых, эссенциализм, на котором основаны подобные исследования, прямо противоречит ядру научно-исследовательской программы социального конструктивизма в терминах И. Лакатоса. Некритическая комбинация элементов двух парадигм в рамках прикладных эмпирических моделей возможна, но на более глубоком уровне рассмотрения конструктивистская и эссенциалистская эпистемологии кардинально противостоят друг другу. Во-вторых, при внимательном ознакомлении с результатами исследований нейронаук применительно к эмоциям приходится согласиться со скептическими выводами Я. Плампера: ключевые гипотезы, на которых во многом опирались соответствующие дисциплины, впоследствии подверглись сокрушительной критике со стороны коллег по естественным наукам [Плампер 2018: 343–363]. Таким образом, взаимные заимствования (если они вообще возможны) следует осуществлять с осторожностью.

⁵ В данной работе мы не имеем возможности рассматривать традицию исследования эмоций в конвенциональной политологии, ограничившись сферой МО.

Эмоции в исследованиях международных отношений

Ещё классики теории международных отношений принимали во внимание роль эмоций в политике: реалисты писали о значении страха в условиях анархии, либералы — о доверии при выстраивании совместных институтов, а представители марксистской традиции — о жадности правящих классов [Sasley 2013]. Внимание эмоциям уделялось и в моделях анализа внешней политики с фокусом на внутреннем мире лиц, принимающих решения. Эта тематика нашла отражение в работах Р. Джервиса по восприятию [Jervis 2017]. Тем не менее до пост-позитивистской революции эмоции почти всегда были вынесены из ядра концептуальной модели и не становились самостоятельным объектом изучения. Это объяснялось стигматизацией эмоций в онтологии господствовавшей тогда теории рационального выбора и позитивизма вообще; чувства как иррациональный фактор вторгались в международные отношения и принятие решений, нарушая «нормальный» ход политического процесса.

С некоторым запозданием исследовательская дискуссия в теории международных отношений по данной теме сформировалась уже в рамках социального конструктивизма. Начало ей положила Н. Кроуфорд [Crawford 2000]. Исследовательница наметила основные направления, по которым может развиваться новая область знания: необходимо было прояснить вопросы определений/терминов, основных концепций, проблему субъектности и др. Последние

двадцать лет оказались плодотворными эпистемологически, область знания «встала на ноги» [Hutchison 2019], а ось общего и уникального нашла отражение в разделении на микро- и макроподходы⁶.

Макроподходы концентрируются на изучении индивидуальной специфики. Они были призваны «избежать риска гомогенизации эмоций, сведения воедино эмоциональных феноменов, которые в действительности куда более комплексные и различные...» [Hutchison, Bleiker 2014: 497–498]. Иными словами, это конкретные прикладные исследования эмоций на эмпирическом материале из разных точек планеты с единым лейтмотивом плюральности и гетерогенности. Например, Х. Фаттах и К. Фирке находят причины антагонизма некоторых исламских обществ по отношению к США в унижении их достоинства [Fattah, Fierke 2009]. В картине мира, связанной с исламом, стыд и унижение после арабо-израильских войн, операции в Заливе, экономических санкций требовали автоматической компенсации. Один из главных исследователей этой области знания Э. Хатчисон показала, как взрывы в ходе теракта на Бали 2002 г. способствовали конституированию национальной австралийской идентичности [Hutchison 2010]. Позиционировав в качестве Другого исламский терроризм, медиа и политики добились консолидации общества через выражение публичной скорби. Аналогичным образом манифестировалась эмоция солидарности через скорбь после цунами 2004 г. в Юго-Восточной Азии, но уже на транснацио-

⁶ Оси общего/уникального и микро/макроподходов на интуитивном уровне имеют параллели с проблемой агент-структурных (системных) отношений в социальных науках. Тем не менее данные оси едва ли можно смешивать при анализе полностью. Пара общего и уникального фокусируется на динамике повторяемости и различий эмоциональных паттернов. Разделение на микро- и макроподходы отражает функционирование теоретического и эмпирического уровня исследования. Наконец, дихотомия агента и структуры призвана решить проблему того, какая из данных инстанций обладает первичной значимостью в ходе их интеракции. Оси пересекаются между собой, но не совпадают полностью. При этом сложно однозначно локализовать позицию, которой придерживаются большинство исследователей эмоций в МО применительно к агент-структурным отношениям. Вышеуказанная инстанция структуры/системы в этой области не осмысливается как таковая. Ее суррогатом выступает культура в широком понимании, которая во многом детерминирует содержание эмоциональной сферы агентов. Однако на глобальном уровне наличие культуры так и не было доказано. Вопрос о соотношении транснациональной культуры и глобальной системы в эмоциональной сфере нуждается в дополнительном изучении.

нальном уровне [Hutchison 2014]. В монографии 2016 г. Хатчисон исследует разные способы реагирования на историческую травму: если ЮАР добилась национального примирения через проработку режима апартеида, в результате чего трагедия осталась в прошлом, то Китай раз за разом актуализировал «столетие унижения», укрепляя идентичность посредством resentment [Hutchison 2016]. Э. Росс на примере событий 11 сентября 2001 г. продемонстрировал, как аффект способен синтезировать современный опыт с прошлым, когда атака на башни-близнецы в публичном дискурсе освещалась в параллели с Перл-Харбором и соответствующим эмоциональным набором — скорбью, гневом, яростью [Ross 2006]. Отдельно можно выделить коллективную монографию под редакцией Л. Охэлль и Т. Грегори, посвященную проявлению эмоций во время войн с рассмотрением большого числа случаев о роли разных чувств от горя до скуки и страха [Ahäll, Gregory 2015]. В свою очередь, А. Цыганков на примере президентских речей 2008–2012 годов Д. Медведева выделяет в них разные эмоциональные регистры по отношению к Западу: страх-надежда-разочарование [Tsygankov 2016]. Говоря об отечественных исследованиях эмоций, отмечаем отсутствие большого интереса к теме в русскоязычной литературе. Исключение составляет статья В. Аванской, где содержится блестящий обзор основных теорий, методов и подходов конструктивистских исследований эмоций в международных отношениях [Аванская 2018], а также её работа о месте эмоций в противостоянии двух лагерей «холодной войны» [Аванская 2019].

Итак, микроподходы концентрируются на уникальном. Большинство исследований посвящены разбору отдельных случаев в масштабах национального государства или социальной группы внутри него с некоторым международным участием. Транснациональная общность представлена прежде всего примером сообщества скорби после цунами 2004 года, но и данный пример малопродуктивен в теоретическом отношении (об этом ниже). По логике раз-

вития области знания можно было бы ожидать анализа транснациональной структурной общности в рамках макроподходов. Тем не менее, последние понимаются как абстрактный теоретический уровень исследования, дискуссия о том, как эмоции в международных отношениях работают вообще, а не исследование неких больших транснациональных феноменов. По сути, все макроподходы могут быть разделены на три группы.

Первая группа посвящена вопросу о том, как осуществляется переход от индивидуальных эмоций к коллективным. Ряд влиятельных специалистов связывают ответ на него с репрезентацией в публичной сфере, когда индивидуальная эмоция становится видимой и воспринимаемой большим количеством людей. В частности, Э. Хатчисон и Р. Блейкер показывают, что цунами в Индийском океане в 2004 г. потому и обрело общественную значимость, что медиа распространили визуальные изображения трагедии. Для сравнения через несколько месяцев в Пакистане произошло аналогичное землетрясение, но из-за отсутствия широкого резонанса в СМИ событие не получило внимания международного сообщества [Hutchison, Bleiker 2008]. После взрывов на Бали 2002 г. подобную роль сыграли выразительные изображения жертв и разрушений на первых полосах газет [Hutchison 2010]. Пути репрезентации могут быть самыми разными: это и речь, и письмо, и визуальные изображения, и даже телесные движения (жесты и не только) [Hutchison 2019]. В некоторых случаях репрезентация несёт репрессивный потенциал. Например, после цунами в 2004 г. граждане пострадавших развивающихся стран изображались через десоубъективацию локальных агентов в колониальном ключе — как грязные нецивилизованные жители, ждущие спасения от «белого человека» [Hutchison 2014]. Несколько другой ответ на вопрос о переходе индивидуального в коллективное даёт Б. Сасли и межгрупповая теория эмоций. Его модель включает три стадии: люди рассматривают себя как часть некоей социальной группы, поэ-

тому при наличии триггера идентичность может активироваться; затем происходит оценка данной ситуации в связи с триггером; наконец, следует возникновение межгрупповой эмоции [Sasley 2013].

Вторая группа работ касается связи эмоций с другими субстанциями (в том числе дискурсом, идентичностью, нормами). Уже упоминавшиеся Э. Хатчисон и Р. Блейкер говорят о необходимости изучения эмоций через дискурс, так как и то, и другое является культурным/социальным явлением [Hutchison, Bleiker 2017]. С. Кошут обращает внимание на эмоциональный фундамент властного измерения любого дискурса – он потому и работает, что в нём присутствует составляющая аффекта [Koschut et al. 2017]. Эмоции влияют через дискурс на социальную структуру общества. Одни эмоциональные категории (гордость, стыд) укрепляют уже существующую иерархию, другие же, наоборот, изменяют её (страх и resentment) [Koschut 2018]. Отдельного упоминания заслуживает уже затронутая выше работа Э. Росса о связи эмоций и идентичности, показывающая как события 11 сентября 2001 г. были поставлены политиками в один ряд с началом Второй мировой войны для достижения большого аффекта [Ross 2006]. Исследователи более или менее едины во мнении, что эмоциональные реакции возникают благодаря идентичности и могут её консолидировать. Похожим образом построена и связь эмоций с нормами. Дж. Мерсер утверждает, что эмоции поддерживают те или иные нормы, а их нарушения вызывают эмоциональный ответ [Merсер 2006]. Тот, кто на-

рушил норму, должен чувствовать смущение, вину или стыд, а наблюдатели – гнев и негодование.

Третья группа макроподходов – это дебаты о концепциях и терминах. Например, Т. Холл предлагает концепцию «эмоциональной дипломатии» как «координируемого поведения, проецирующего образ эмоционального ответа на другие страны» [Hall 2015: 2]. Наиболее показательно она репрезентируется в выражениях сочувствия государств друг другу после катастроф, терактов. Э. Хатчисон ввела в научный оборот понятие «аффективных сообществ» как формы объединений вокруг коллективно понимаемой формы чувствования (в её случае – в связи с травмой) [Hutchison 2016]. Это дискурсивно-социальные феномены, которые образовались после взрывов на Бали или цунами в Индийском океане, разные по объёму от локального до транснационального. С. Кошут представил концепцию «эмоциональных сообществ безопасности», соединяя вольно трактуемые им теории «сообществ безопасности»⁷ (security communities) и «эмоциональные сообщества» Б. Розенвейн. Для него это различные группы (от Аль-Каиды⁸ до НАТО), в которых люди придерживаются единых норм эмоционального выражения и ценят/порицают одни и те же сходные эмоции [Koschut 2013]. Отдельного упоминания заслуживает фуколдианская концепция «режима эмоционального управления», отождествляемая с неолиберализмом. Суть подхода А.-М. Д'Ауст состоит в традиционном для последователей Фуко взгляде на эмоции через правительственность⁹ и биополитику

⁷ В ходе переосмысления сообществ безопасности в качестве эмоциональных С. Кошут сделал фокус лишь на некоторых элементах теорий К. Дойча, Э. Адлера и М. Барнетта, которые были необходимы для его собственной концептуальной рамки: эмоциональной связи при построении идентичности сообщества; совместном опыте и доверии при коммуникации; центральном месте символов; связи знания и власти; роли властных групп при утверждении норм сообщества; значимости постоянно воспроизводимых практик для конституирования последнего; важности границ сообщества [Koschut 2013].

⁸ Террористическая организация, запрещённая на территории Российской Федерации.

⁹ «...система, образованная институтами, процедурами, анализом и рефлексией, расчётами и тактиками, которая позволяет осуществлять весьма специфическую и чрезвычайно сложную форму власти, имеющую в качестве главной цели население, политическую экономию как главный вид знания, а аппарат безопасности как ключевой технический инструмент...» [D'Аoust 2014: 268–269].

с фокусом на власти государства и капитализма [D'Aoust 2014].

Ни одно из вышеуказанных направлений не внесло большого вклада в осмысление проблемы транснациональной структурной общности. В первую очередь, область организована таким образом, что микроподходы фокусируются на уникальном, но макроподходы не на общем. Это следствие влияния бинарной оппозиции внутри оси из антропологии и истории эмоций. Рассмотренные выше концепты почти не нацелены на анализ общего, а если нацелены – то не структурной общности. Для этого исследователям вслед за У. Редди пришлось бы уделять внимание тому, что мы назвали связкой между ситуацией/событием и публичным образом чувствования как базису структурной общности. Тем не менее теоретики эмоций в международных отношениях заняты другим. Например, аффективные сообщества Э. Хатчисон и похожие на них модели фокусируются на транснациональной общности (случай цунами в Юго-Восточной Азии), но упускают структуру. Данные сообщества представляют собой *ad hoc* объединения, возникающие исключительно благодаря конкретной конфигурации дискурса и исчезающие после события. Подобный подход детерминирован особенностями постпозитивистской онтологии, когда субъект возникает уже после взаимодействия и существует только внутри него [Edkins 1999: 21–40]. Описание структурной общности как устойчивой части системы могло бы позволить учесть факт повторяемости (хотя вопрос изучения эмоциональной системы и её соотношение с понятием культуры является сложным с теоретической и эмпирической точек зрения), но при позиционировании через коллективную субъектность это невозможно. Когда социальные отношения конституируются каждый раз заново, а системным (повторяемым и воспроизводимым) характеристикам эмоций не уделяется должного внимания, это неминуемо влечет за собой аналитический фокус на уникальном.

Концепция эмоциональных сообществ безопасности ещё меньше подходит для анализа структурной общности. В их изначальном виде у Розенвейн сообщества отсылают к очень небольшим социальным группам, и даже в интерпретации Кошута концепция предназначена для изучения множественных пересекающихся партикулярных групп. Термин эмоциональной дипломатии плодотворен, но в силу элитарности подхода описывает узкий участок межгосударственного взаимодействия. Необходимо признать, что измерение структурности может быть охвачено фуколдианским инструментарием с его фокусом на системе. Вместе с тем подобные подходы обладают значительной специфичностью и обособленностью. Следование данной теории превратит самобытную область изучения эмоций в подотрасль исследований правительственности и биополитики и навяжет нехарактерный для предыдущей традиции акцент на экономике, рассеянной власти и др.

Исключение на общем фоне составляет концепция, которая не была приведена в общем списке терминов. Это концепция «**эмоциональной культуры**», введенная С. Кошутом и означающая *комплекс стандартизированной эмоциональной лексики, норм и верований относительно отдельных эмоциональных выражений, которые способствуют культурному конструированию власти, сообщества и идентичности*. Данная модель состоит из двух частей – эмоциональных кодов и культурных сценариев. Первые означают стандарты надлежащего эмоционального выражения внутри социальной группы, а вторые – словесные или визуальные репрезентации, посредством которых эмоциональные коды артикулируются и принимаются членами группы [Koschut 2017: 179]. Эмоциональные коды предписывают, какое поведение необходимо в том или ином случае, а сценарии содержат модель поведения. Иными словами, эмоциональная культура описывает связку между событием/ситуацией и публичными образцами чувствования.

Хотя Кошут и рассматривает случай национального уровня (японские камикадзе), он утверждает, что эмоциональная культура может быть любой по масштабу: например, активисты прав человека своими действиями конституируют глобальный эмоциональный сценарий [Koschut 2017: 180]. Кошут также обращает внимание на связи концепции с властью и идентичностью. Эмоциональные культуры воспроизводят и утверждают властные иерархии, неравенство, так как именно привилегированные члены сообщества обладают большей способностью определять эмоциональные коды/культурные сценарии, а низшие — вынуждены им следовать.

Лишь понятие эмоциональной культуры обладает характеристиками для концептуализации транснациональной структурной общности — аналитическим фокусом на повторяемости эмоциональных паттернов, вниманием к связке между типом события и публичным образом чувствования, к системному измерению проблемы, укоренённостью в конструктивистской традиции. Следующий раздел посвящён эмпирическому примеру кризисного реагирования на террористические атаки, где будут продемонстрированы возможности подобной концептуализации.

При этом заметим, что эмоциональная компонента специфически локализована внутри современной политической системы. Гендерно связанный с маскулинностью идеал рационального гражданина, заложенный ещё в эпоху Просвещения, привел

к стигматизации эмоций в большей части политической сферы и их отождествлению с женским подчинённым началом. Эмоции внутри логоцентричной картины мира Запада зачастую воспринимаются как фактор, искажающий рациональный политический процесс. Исключение столь важной части индивидуальной и коллективной субъектности привело к появлению нескольких лакун в системе, где данная компонента обретает легитимный и даже гипертрофированный статус. Репрезентация эмоций во время неожиданных трагических событий (теракты, катастрофы, стихийные бедствия), уличного протеста, важных рубежных моментов истории страны, а также в политике памяти обладает критической значимостью для массовой аудитории и тем самым влияет на политический процесс. Локализация эмоций в отдельных ключевых лакунах системы и их стигматизация в остальной части, с одной стороны, облегчает исследования, а с другой — по законам постструктуралистской онтологии вызывает парадоксы внутри системы: исключить центральную компоненту современной субъектности все равно невозможно.

Транснациональная структурная общность как эмоциональная культура: кризисное реагирование на террористические атаки

В качестве эмпирического материала для рассматриваемого случая выбраны обращения к нации лидеров государств после крупнейших терактов¹⁰ как яркий пример

¹⁰ Подобные речевые акты внутри позитивистской картины мира могли бы восприниматься как набор риторических спичрайтерских практик, которыми пользуются политики для манипуляции аудиторией, но конструктивистский взгляд противоречит такой постановке вопроса. Во-первых, проблема искренности спикера и авторства при конструктивистском дискурс-анализе снимается. «Нас не интересует ни то, что действительно думают отдельные лидеры, ни то, в чем состоят представления, распространенные среди населения (хотя последнее ближе [к сфере наших интересов]), — нас интересуют коды, которые субъекты используют, когда обращаются друг к другу», — пишет по этому поводу О. Вэвер [Waever 2002: 26–27]. Именно поэтому дискурс-анализ отличается от психологического подхода, исследований представлений и образов. Во-вторых, автор концепта эмотива У. Редди подчеркивает, что сама природа данных речевых актов противоречит возможности их инструментализации исключительно в манипулятивном ключе. Одним из ключевых свойств эмотива является его перформативный эффект, причем по отношению как к субъекту, так и реципиенту [Reddy 2001: 101–105]. Сам факт артикуляции эмотива приводит к одному или нескольким из четырех исходов: подтверждение, опровержение, усиление или ослабление той эмоции, о которой идет речь. Все это делает отстраненную субъект-объектную диспозицию затрудненной.

структурной общности, которая обладает повторяемостью в глобальном масштабе. Анализ охватывает шесть эпизодов: выступление израильского премьер-министра Г. Меир перед парламентом после теракта на Олимпийских играх в Мюнхене в 1972 году¹¹; заявления американского президента У. Клинтона по поводу взрывов посольств США в Кении и Танзании 1998¹²; речи Дж. Буша-младшего после атак 11 сентября 2001¹³; обращение к нации президента Российской Федерации В. Путина после теракта в Беслане 2004¹⁴; телевизионное выступление премьер-министра Индии М. Сингха как реакция на серию терактов в

Мумбаи 2008¹⁵; и речь президента Франции Ф. Олланда на совместном заседании парламента после атак в Париже 2015 года¹⁶. Эти эпизоды подобраны таким образом, чтобы, с одной стороны, охватить длительную хронологическую перспективу, показать устойчивость и эволюцию эмоциональной структуры во времени. С другой стороны, будет продемонстрировано пространственное разнообразие с целью избежать европоцентристского взгляда на проблему. Кроме того, для нужд прикладного исследования дискурса мы включим в модель эмоциональной культуры понятие эмотивов У. Редди – речевых актов, свя-

¹¹ 39 Statement to the Knesset by Prime Minister Meir. Israel Ministry of Foreign Affairs [Электронный ресурс]. 1972. URL: <https://mfa.gov.il/mfa/foreignpolicy/mfadocuments/yearbook1/pages/39%20statement%20to%20the%20knesset%20by%20prime%20minister%20meir.aspx> (accessed: 11.02.2021). В сентябре 1972 г. во время Олимпийских игр в Мюнхене члены палестинской террористической организации совершили захват спортсменов израильской команды. В результате неудачной операции спасения жертвами оказались 17 человек, в том числе 11 израильских спортсменов.

¹² Radio Address by the President to the Nation. U.S. Department of State Archive [Электронный ресурс]. 1998. URL: https://1997-2001.state.gov/www/regions/africa/bombing_clinton_980808.html (accessed: 11.02.2021); Transcripts of President Clinton's Two Speeches Following the U.S. Air Strikes against Sudan and Afghanistan. SpringerLink [Электронный ресурс]. 1998. URL: <https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&src=s&source=web&cd=&ved=2ahUKewi76awy9zuAhVypYsKHWF2B7YQfAAegQIAhAC&url=https%3A%2F%2Flink.springer.com%2Fcontent%2Fpdf%2Fbbm%253A978-0-230-10122-7%252F1.pdf&usq=AOvVaw1nhBlit04yX1cFXjJ3MZnBB> (accessed: 11.02.2021). 7 августа 1998 г. в столицах Кении и Танзании произошли взрывы, целью которых стали здания американских посольств. Организацию терактов принято связывать с Аль-Каидой. Более 200 человек погибло и более 4000 ранено (включая и сотрудников посольств, и местных жителей).

¹³ Address to the Nation on the Terrorist Attacks. Public Papers of the Presidents of the United States: George W. Bush (2001, Book II). the U.S. Government Publishing Office [Электронный ресурс]. 2001. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/PPP-2001-book2/html/PPP-2001-book2-docpg1099.htm> (accessed: 11.02.2021); President Bush Addresses the Nation. Washington Post [Электронный ресурс]. 2001. URL: https://www.washingtonpost.com/wp-srv/nation/specials/attacked/transcripts/bushaddress_092001.html (accessed: 11.02.2021). 11 сентября 2001 г. члены террористической организации Аль-Каида захватили четыре пассажирских самолета, два из которых были направлены в здания Всемирного торгового центра в Нью-Йорке, один – в здание Пентагона и ещё один упал в поле предположительно в результате борьбы между пассажирами/членами экипажа и террористами. В результате было убито около 3000 человек.

¹⁴ Обращение Президента России Владимира Путина. Президент России [Электронный ресурс]. 2004. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22589> (дата обращения: 11.02.2021). 1 сентября 2004 г. чеченские боевики захватили здание школы №1 в Беслане. Ответственность взяла на себя организация, руководимая Ш. Басаевым. 334 человека погибло, большинство из них – дети.

¹⁵ Prime Minister's statement on Mumbai attack. Reuters [Электронный ресурс]. 2008. URL: <https://www.reuters.com/article/idINIndia-36741320081127?edition-redirect=in> (accessed: 11.02.2021). С 26 по 29 ноября 2008 г. в Мумбаи произошла серия террористических нападений, организованная исламистской организацией из Пакистана. 166 мирных жителей были убиты и более 300 пострадало.

¹⁶ 16 November 2015 – François Hollande's Speech Before a Joint Session of Parliament. Permanent mission of France to the United Nations in New York [Электронный ресурс]. 2015. URL: <https://onu.delegfrance.org/Francois-Hollande-s-Speech-Before-a-Joint-Session-of-Parliament> (accessed: 11.02.2021). 13 ноября 2015 г. в нескольких точках Парижа в местах большого скопления людей произошла серия террористических нападений, организованная ИГИЛ. 130 человек погибло и более 400 оказалось ранены.

занных с отражением и конституированием эмоций¹⁷.

Соединять концепцию С. Кошута с теорией У. Редди допустимо по следующим причинам. *Во-первых*, в концепции эмоциональной культуры отсутствует инструментарий для прикладной работы с текстами, поэтому некоторая её модернизация неизбежна. *Во-вторых*, концепция эмотивов относительно автономна внутри теории У. Редди. Если остальные её части – концепции эмоциональной свободы, страдания, режима и проч. – функционируют таким образом, чтобы одна вытекала из другой, то идея эмотивов изначально создана для целей дискурс-анализа эмоций и соединена с другими частями теории скорее на онтологическом уровне.

При этом отметим, что единого перечня эмоций не существует, ведь сама идея нескольких базовых эмоций, укорененных в человеческой физиологии, характерна для универсальной биологической парадигмы, с которой и полемизируют конструктивистские исследования эмоций. Тем не менее, в процессе обзора статей в данной области мы можем заметить, что наиболее значимые работы содержат фокус на изучении достоинства, гнева, скуки, сострадания, скорби [Ahäll, Gregory 2015], сожаления [Hutchison 2014], страха [Hutchison, Bleiker 2008], доверия [Koschut 2013], надежды, разочарования [Tsygankov 2016], ресентимента [Demertzis 2006]. Аналогичным образом не существует по определению и никакого канона слов-маркеров эмоций. Задача дискурс-анализа как раз

состоит в том, чтобы соотносить все многообразие речевых актов с интересубъективными конвенциями, принятыми в обществе. Доля субъективности здесь не больше, чем в любом исследовании, где присутствует этап интерпретации (то есть в любом, в том числе количественном). Когда президент России В. Путин говорит: «Сегодня мы должны быть вместе. Только так мы победим врага»¹⁸, – сложно обозначить данный речевой акт как репрезентацию какой-либо иной эмоции, кроме солидарности. Смешанные кейсы встречаются, но их меньшинство. В свою очередь, надеяться, что большинство специалистов будут строить свои модели на основе единой базы данных, созданной их коллегами – не приходится. Такого не наблюдалось ни на одном этапе развития теории международных отношений, включая даже позитивистский период 1970-х – 1980-х годов.

Применительно к рассматриваемым случаям эмоциональные коды служат для взаимосвязи между типом события (теракт) и надлежащим культурным сценарием – трюичной структурой «сожаление – компенсация – солидарность» (рис. 1). Её содержание можно описать следующим образом. Каждый из текстов кризисного реагирования располагает эмотивами, отвечающими за публичное выражение сожаления по поводу произошедшего, компенсаторный механизм, в соответствии с которым дискурсивный субъект отвергает возможность поддаться страху и демонстрирует решительность перед лицом врага, наконец, призывает к национальной или междуна-

¹⁷ В ещё «молодой» модели С. Кошута отсутствует четко операционализированный инструментарий для работы с текстами. Согласно классическому определению У. Редди, эмотив – это «тип речевого акта, отличный и от перформативных, и от констативных утверждений, который одновременно и описывает (как констативы), и изменяет (как перформативы) мир, потому что эмоциональное выражение обладает объяснительным и самоизменяющим эффектом применительно к активированному когнитивному материалу эмоций» [Reddy 2001: 128]. Дальнейшая интеллектуальная традиция сложилась таким образом, что эмотивами профильные исследователи стали считать речевые акты, объектом которых являются эмоции (или объектом публичной репрезентации, если мы выходим за рамки речевых актов). Иными словами, эмотивы в дискурсе предполагают говорение об эмоциях, этим первые отличаются от других речевых актов помимо свойства соединять в себе перформатив и констатив. Если наблюдаются устойчивые повторы эмотива в сходных ситуациях, он может стать частью культурной связки между типом события и публичным образцом чувствования.

¹⁸ Обращение Президента России Владимира Путина. Президент России [Электронный ресурс]. 2004. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22589> (дата обращения: 11.02.2021).

Рисунок 1
 Схема транснациональной эмоциональной культуры (террористическая атака)

Источник: составлено автором.

родной солидарности. Данный набор является обязательным для любого выступления. Ниже мы рассмотрим каждый элемент этого культурного сценария диахронно, переходя от теракта к теракту.

Начнем с эмотива сожаления, который состоит из утверждения положительных характеристик жертв (чаще всего – невинность), их персонификации с целью придать трагедии человеческое лицо и демонстрации скорби как наиболее концентрированной и демонстративной формы сожаления¹⁹. Например, лидер Израиля после мюнхенского теракта на Олимпийских

играх в обращении к Кнессету использовала эмоционально-насыщенное словосочетание «[не удалось] освободить наших родных», говоря об убитых израильских спортсменах, а развязку в аэропорту назвала «горькой, трагичной»²⁰. Также скорбь внутри эмотива сожаления фиксируется в речи У. Клинтона по поводу атак на американские посольства в Африке в 1998 году: «Семьям и друзьям убитых я могу сказать только, что понимаю их боль. Надеюсь, вам будет спокойнее, зная, что ваши близкие отдали свои жизни во имя высшей цели...»²¹. В данном пассаже скорбь, выража-

¹⁹ Автор в данном случае следует традиции, заложенной классиком конструктивистских исследований эмоций в МО Э. Хатчисон. В английском языке присутствует несколько слов, отсылающих нас к соответствующему эмоциональному регистру: «pity», «sorrow», «grief», «mourning». Строго говоря, только последнее отсылает нас непосредственно к скорби в русскоязычном варианте, в то время как остальные также могут ситуативно использоваться в этом качестве, однако призваны обозначить другие оттенки неагрессивно-негативного отношения к событию и сочувствия жертвам. Хатчисон концептуализировала это как «politics of pity», где «pity» – это скорее сожаление, а не скорбь. Иными словами, скорбь является частным случаем, наиболее концентрированной и демонстративной формой данного эмоционального регистра, в то время как сожаление служит более общей эмоциональной категорией. Например, слова «очень жаль, что это произошло» у представителя аудитории при просмотре новостной сводки о теракте ещё нельзя назвать полноценной репрезентацией скорби, однако включает зрителя в общую «politics of pity» в терминах Хатчисон в качестве её реципиента.

²⁰ 39 Statement to the Knesset by Prime Minister Meir. Israel Ministry of Foreign Affairs [Электронный ресурс]. 1972. URL: <https://mfa.gov.il/mfa/foreignpolicy/mfadocuments/yearbook1/pages/39%20statement%20to%20the%20knesset%20by%20prime%20minister%20meir.aspx> (accessed: 11.02.2021)

²¹ Radio Address by the President to the Nation. U.S. Department of State Archive [Электронный ресурс]. 1998. URL: https://1997-2001.state.gov/www/regions/africa/bombing_clinton_980808.html (accessed: 11.02.2021)

емая главой государства, эффектно сочетается с героической жертвой невинных людей ради общего блага. Эмоциональный накал достигает пика в речах Дж. Буша после событий 11 сентября 2001 года: «Сегодня вечером я прошу ваших молитв за всех тех, кто скорбит, за детей, чьи миры были разрушены...»²². Образ невинных жертв («Секретари, бизнесмены и женщины... Мама и папы. Друзья и соседи») дополняется героическим пафосом и стратегией персонификации: «Мы видим это в мужестве пассажиров, которые бросились к террористам, чтобы спасти других [людей] на земле. Пассажиры обратили внимание на исключительного человека по имени Тодд Бимер... поприветствуем его жену Лизу Бимер... это полицейский щит человека по имени Дж. Ховард, который погиб во Всемирном торговом центре, пытаюсь спасти других...»²³.

Российский президент В. Путин воспринял и использовал тот же эмотив после теракта в Беслане в 2004 г. В первую очередь, это скорбь: «Говорить трудно. И горько. И сейчас я прежде всего обращаюсь со словами поддержки и сопереживания к людям, потерявшим самое дорогое в жизни – своих детей, своих родных и близких»²⁴. Как и Дж. Буш, Путин соединяет жертвенный образ пострадавших с тематикой героического преодоления: «В Беслане – бук-

вально пропитанном горем и болью – люди ещё больше заботились и поддерживали друг друга. И не боялись рисковать собой во имя жизни и покоя других»²⁵. Эмотив нашел отражение и в совершенно другой части планеты – в Индии. Премьер-министр этой страны М. Сингх после терактов в Мумбае 2008 г. выразил «свои глубокие соболезнования семьям погибших и сочувствие пострадавшим», а также говорил о «потере многих драгоценных жизней и ранениях многих других людей, которые потрясли нацию»²⁶. Вновь мы отмечаем героизацию жертв, когда премьер «приветствует храбрость и патриотизм полицейских... которые отдали свои жизни в борьбе с террористами»²⁷. Мало что изменилось и во время терактов ИГИЛ²⁸ в сравнении с эпохой борьбы с терроризмом в 2000-х. В первую очередь, Ф. Олланд после серии атак в Париже в 2015 г. выразил скорбь по жертвам: «Сегодня наша страна в трауре. Мы думаем о ни в чем неповинных людях... мы думаем об их семьях, которые испытывают самую безутешную боль...»²⁹. Сожаление вновь дополняется персонализацией: «Большинство погибших были моложе 30 лет. Их звали Матиас, Квентин, ... [перечисление]. В чём было их единственное преступление? Быть живыми»³⁰. Образ ни в чем неповинных жертв становится ещё более горьким из-за того, что ими ока-

²² Address to the Nation on the Terrorist Attacks. Public Papers of the Presidents of the United States: George W. Bush (2001, Book II). the U.S. Government Publishing Office [Электронный ресурс]. 2001. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/PPP-2001-book2/html/PPP-2001-book2-doc-pg1099.htm> (accessed: 11.02.2021).

²³ President Bush Addresses the Nation. Washington Post [Электронный ресурс]. 2001. URL: https://www.washingtonpost.com/wp-srv/nation/specials/attacked/transcripts/bushaddress_092001.html (accessed: 11.02.2021).

²⁴ Обращение Президента России Владимира Путина. Президент России [Электронный ресурс]. 2004. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22589> (дата обращения: 11.02.2021)

²⁵ Там же.

²⁶ Prime Minister's statement on Mumbai attack. Reuters [Электронный ресурс]. 2008. URL: <https://www.reuters.com/article/idINIndia-36741320081127?edition-redirect=in> (accessed: 11.02.2021).

²⁷ Ibid.

²⁸ Террористическая организация, запрещённая на территории Российской Федерации.

²⁹ 16 November 2015 – François Hollande's Speech Before a Joint Session of Parliament. Permanent mission of France to the United Nations in New York [Электронный ресурс]. 2015. URL: <https://onu.delegfrance.org/Francois-Hollande-s-Speech-Before-a-Joint-Session-of-Parliament> (accessed: 11.02.2021).

³⁰ Ibid.

зались молодые люди, ассоциирующиеся в массовом сознании с генофондом нации.

Эмотив сожаления в троичной структуре реализуется за счёт трех частей. *Во-первых*, это положительная характеристика жертв. Они предстают невинными мирными людьми, оказавшимися на войне. При этом в сложившихся обстоятельствах они проявляют героизм и сопротивление. *Во-вторых*, сочувствие жертвам зачастую достигается персонификацией, что придаёт происходящему человеческое лицо. *В-третьих*, лидеры выражают скорбь, свою боль, которая становится для аудитории всеобщей. Сочетание трёх вышеупомянутых частей обеспечивает эффективный эмоциональный отклик у аудитории и направляет её возмущение на второй элемент структуры – компенсацию.

Компенсаторная конструкция включает в себя две взаимосвязанные части. Первая предполагает отрицание влияния теракта на политику и ценности страны – борьбу со страхом как целью террористов. Вторая часть является публичной демонстрацией решительности и ответных жестких мер. Подобная конструкция присутствовала в речи Г. Меир в 1972 г. после теракта в Мюнхене. В первую очередь она отрицала возможность уступить нападавшим: «Мы не будем разрывать многочисленные связи с нашими гражданами за рубежом и с другими странами. Мы не перестанем принимать участие в международной жизни...»³¹. Меир признает, что «террористическая деятельность... по своей природе непредска-

зума... невозможно обеспечить полную защиту израильских граждан...»³². Тем не менее: «[преследовать террористов] – это наша обязанность перед собой и миром. И мы должны исполнять её бесстрашно... только благодаря мужеству мы сможем преодолеть и победить опасность»³³.

Показательным образом рассматриваемая конструкция была артикулирована и после взрывов американских посольств в Африке в 1998 году. *Во-первых*, в речи президента США важен эмотив страха, а именно, борьба со страхом: «Мы поможем людям всех вероисповеданий во всех частях мира, которые хотят жить без страха и насилия...»³⁴. *Во-вторых*, он говорит о неуклонности и решимости как единственно возможном ответе США на атаку: «Самое мощное оружие в нашей борьбе с терроризмом – это наша решимость никогда не сдаваться... мы не уступим этой угрозе... ослабить наше сопротивление терроризму – это дать ему победу, которую он не должен получить и не получит»³⁵.

Первая половина связки (эмотив борьбы со страхом) остаётся и в речах Дж. Буша после 11 сентября 2001 года: «С каждой их жестокостью они надеются, что Америка начнёт бояться... Я знаю, что многие жители испытывают страх этим вечером, но я прошу вас быть спокойными и решительными даже перед лицом непрекращающихся угроз...»³⁶. Реакцией США, по мнению Буша, должно стать возникновение совершенно иных эмоций, и здесь на первый план выходит традиционный для США

³¹ 39 Statement to the Knesset by Prime Minister Meir. Israel Ministry of Foreign Affairs [Электронный ресурс]. 1972. URL: <https://mfa.gov.il/mfa/foreignpolicy/mfadocuments/yearbook/1/pages/39%20statement%20to%20the%20knesset%20by%20prime%20minister%20meir.aspx> (accessed: 11.02.2021).

³² Ibid.

³³ Ibid.

³⁴ Transcripts of President Clinton's Two Speeches Following the U.S. Air Strikes against Sudan and Afghanistan. SpringerLink [Электронный ресурс]. 1998. URL: <https://www.google.ru/url?sa=t&src=js&q=&esrc=s&source=web&cd=&ved=2ahUKewii76awy9zuAhVypYsKHWF2B7YGFjAAegQIAhAC&url=https%3A%2F%2Flink.springer.com%2Fcontent%2Fpdf%2Fbbm%253A978-0-230-10122-7%252F1.pdf&usq=AOVvaw1nhBlit04yX1cFXj3MZnBB> (accessed: 11.02.2021).

³⁵ Ibid.

³⁶ Text: President Bush Addresses the Nation. Washington Post [Электронный ресурс]. 2001. URL: https://www.washingtonpost.com/wp-srv/nation/specials/attacked/transcripts/bushaddress_092001.html (accessed: 11.02.2021).

эмотив гнева в сочетании с решимостью: «Картина самолетов, врезающихся в здания... наполнила нас неверием, ужасной грустью и тихой, непоколебимой яростью. Эти массовые убийства были направлены на то, чтобы напугать нашу страну и заставить отступить. Но они потерпели неудачу... Наше горе превратилось в гнев, а гнев — в решимость... И наша решимость не должна исчезнуть»³⁷. Иными словами, речь идет не о разрушительном гневе, проявляющемся во вспышках ярости, но о разновидности пассионарности, которая должна помочь людям не сойти с намеченного пути и мужественно двигаться по нему.

По аналогии с американским коллегой президент Российской Федерации В. Путин после теракта в Беслане определил цели террористов в связи со страхом: «Те, кто послал бандитов на это ужасное преступление, ставили своей целью сравнить наши народы, запугать граждан России, развязать кровавую междоусобицу...»³⁸. Он признал, что российское государство и общество «...проявили слабость. А слабых — бьют»³⁹, следовательно, необходимо продемонстрировать силу и решительность. «...в действительности никакого выбора у нас просто нет. Потому что стоит нам позволить себя шантажировать и поддаваться панике, как мы погрузим миллионы людей в нескончаемую череду кровавых конфликтов... Мы обязаны создать гораздо более эффективную систему безопасности... Мы были и всегда будем сильнее их...»⁴⁰, — такой вывод делает российский лидер,

используя устоявшуюся компенсаторную связку «борьба со страхом — решимость».

Следовал ей и премьер Индии М. Сингх после терактов в Мумбаи 2008 года. Он указывал: «Хорошо спланированные и реализованные атаки... были направлены на то, чтобы посеять чувство паники...»⁴¹. А реакцией должны стать «самые решительные меры, чтобы подобные террористические атаки не повторились... Мы будем преследовать этих людей и позаботимся о том, чтобы каждый преступник... заплатил высокую цену...»⁴².

Выступление Ф. Олланда семь лет спустя также было выстроено по рассматриваемой модели. Цель террористов, согласно французскому президенту, состояла в стремлении посеять страх, но ответом будет решительность и продолжение существующей политики, даже её усиление: «Террористы верят, что свободные люди позволят устрашить себя ужасом. Это не так... их цель вполне ясна: посеять страх, чтобы разделить нас... те, кто заказал атаки в Париже, должны знать, что они не только не подорвали решимость Франции, но и укрепили нашу решимость уничтожить их...»⁴³. Далее Олланд говорил об интенсификации операции против ИГИЛ на Ближнем Востоке в качестве доказательства эмоционального режима, конституируемого через дискурс.

Рассмотренный эмпирический материал демонстрирует, что компенсаторный механизм в троичной структуре включает два аспекта. Первый — это эмотив с фокусом

³⁷ Text: President Bush Addresses the Nation. Washington Post [Электронный ресурс]. 2001. URL: https://www.washingtonpost.com/wp-srv/nation/specials/attacked/transcripts/bushaddress_092001.html (accessed: 11.02.2021).

³⁸ Обращение Президента России Владимира Путина. Президент России [Электронный ресурс]. 2004. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22589> (дата обращения: 11.02.2021).

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Text — Prime Minister's statement on Mumbai attack. Reuters [Электронный ресурс]. 2008. URL: <https://www.reuters.com/article/idINIndia-36741320081127?edition-redirect=in> (accessed: 11.02.2021).

⁴² Ibid.

⁴³ 16 November 2015 — François Hollande's Speech Before a Joint Session of Parliament. Permanent mission of France to the United Nations in New York [Электронный ресурс]. 2015. URL: <https://onu.delegfrance.org/Francois-Hollande-s-Speech-Before-a-Joint-Session-of-Parliament> (accessed: 11.02.2021).

на отрицании страха, акцент на том, что главная цель террористов не будет достигнута. Вместо этого дискурсивные агенты призывают ответить решимостью, которая составляет второй аспект механизма компенсации. В случае США это дополняется эмоциями гнева, который, тем не менее, функционирует в общей описанной выше рамке и не изменяет бинарной оппозиции «борьба со страхом – ответная решимость». Примечательно, что рассматриваемая конструкция почти не изменилась за сорок лет. Наконец, сожаление и компенсация становятся полноценной структурой эмоциональной культуры во многом потому, что ведут к необходимости реализации её третьего элемента – солидарности.

Последний элемент структуры – эмотив солидарности – также включает в себя две потенциальные части. *Во-первых*, это призывы к общенациональному единству. Терракты описываются как атака на всю страну, на каждого её жителя, на общие разделяемые ценности. *Во-вторых*, в определенных случаях может наблюдаться выражение международной солидарности⁴⁴. Обе эти составляющие присутствуют в речи Г. Меир 1972 года: «Мы должны продолжать организовываться и сплываться, чтобы встретить новые испытания... ради безопасности за границей нам потребуются добровольные усилия и готовность со стороны всех израильских субъектов – организаций, учреждений и частных лиц – вы-

езжающих за границу...»⁴⁵. Помимо единения на национальном уровне израильский лидер не забывает упомянуть и солидарность других государств, прежде всего, ФРГ, в которой произошёл теракт: «Правительство Израиля полностью ценит решения властей Германии о применении силы для спасения заложников, когда не осталось другой альтернативы... Правительство США работает над разработкой и активизацией практических мер по предотвращению терроризма... Израиль приветствует эти первоначальные действия различных государств в данной области и надеется, что они будут продолжаться и активизироваться и в других странах»⁴⁶.

Атака на общие ценности более показательно выражена в речи У. Клинтона после взрывов американских посольств в Африке в 1998 году: «Американцы являются мишенью терроризма потому, что мы несём уникальную ответственность за лидерство в мире, потому что мы продвигаем мир и демократию и потому что мы едины против терроризма»⁴⁷. Согласно Клинтону, теракты касаются каждого члена общества: «Бомбы, убивающие невинных американцев, не нацелены только на них, но на сам дух нашей страны и дух свободы. Потому что террористы – враги всего, во что мы верим...»⁴⁸. Клинтон не забывает и о международном измерении, когда говорит, что террористы «убили американцев, бельгийцев и палестинских миротворцев... они

⁴⁴ Эмпирически свидетельства международной солидарности присутствуют в подавляющем большинстве случаев при террористических атаках, причем как по линии официальных каналов, так и на низовом уровне гражданского общества. Тем не менее лидеры далеко не всегда упоминают это в своих выступлениях. Здесь ключевым нюансом оказывается ситуативный политический контекст, когда лидеры в рамках первого элемента трюичной конструкции (демонстрация скорби в эмотиве сожаления) и второго элемента компенсаторной конструкции (ответная решимость) стремятся придать произошедшему международное измерение, в том числе обосновать необходимость определенного реактивного проекта (глобальная война с террором, построение антитеррористической коалиции, проведение операций вне государственных границ).

⁴⁵ 39 Statement to the Knesset by Prime Minister Meir. Israel Ministry of Foreign Affairs [Электронный ресурс]. 1972. URL: <https://mfa.gov.il/mfa/foreignpolicy/mfadocuments/yearbook1/pages/39%20statement%20to%20the%20knesset%20by%20prime%20minister%20meir.aspx> (accessed: 11.02.2021).

⁴⁶ Ibid.

⁴⁷ Radio Address by the President to the Nation. U.S. Department of State Archive [Электронный ресурс]. 1998. URL: https://1997-2001.state.gov/www/regions/africa/bombing_clinton_980808.html (accessed: 11.02.2021).

⁴⁸ Ibid.

планировали убить президента Египта и Папу»⁴⁹.

Эмоциональным пиком выражения солидарности можно назвать выступления Дж. Буша после событий 11 сентября 2001 года. *Во-первых*, он отмечал общенациональное единение страны: «Мы отреагировали... отвагой наших спасателей, заботой о незнакомцах и соседях, которые пришли сдать кровь... это день, когда американцы всех слоев общества объединяются... республиканцы и демократы объединились на ступенях Капитолия и поют «Боже, благослови Америку...»⁵⁰. *Во-вторых*, Буш особенно выделял международную поддержку: «Благодарю многих мировых лидеров, которые позвонили, чтобы выразить свои соболезнования и предложить помощь... произносятся молитвы на английском, иврите и арабском языках... Американцы никогда не забудут звуки нашего государственного гимна, исполненного в Букингемском дворце, на улицах Парижа и у Бранденбургских ворот...»⁵¹. Впоследствии этот эмоциональный порыв конвертировался в глобальную антитеррористическую коалицию.

Дискурсивная конструкция, связанная с эмотивом солидарности, не является исключительно западной, что видно из речи В. Путина в 2004 г. после теракта в Беслане. Как и его коллеги, российский лидер позиционировал трагедию в качестве всеоб-

щей: «Это не вызов Президенту, парламенту или Правительству. Это вызов всей России. Всеми нашему народу. Это – нападение на нашу страну»⁵². Он акцентировал внимание на взаимовыручке людей: «В Беслане... люди ещё больше заботились и поддерживали друг друга. И не боялись рисковать собой во имя жизни и покоя других»⁵³. По мнению президента, это столкновение ценностей: «Мы были и всегда будем сильнее их – и своей моралью, и мужеством, и нашей человеческой солидарностью»⁵⁴. Речь заканчивается прямым призывом к солидарности: «Сегодня мы должны быть вместе. Только так мы победим врага»⁵⁵.

Аналогичным образом выстраивал свою речь и М. Сингх после терактов в Мумбаи 2008 года. В первую очередь, он благодарил полицейских, спецслужбы и «мужчин, которые пожертвовали своими жизнями в борьбе с террористами...»⁵⁶. Затем он обратился к международному измерению, замечая, что среди жертв были «гости из других стран»⁵⁷. Премьер заверил, что все ведомства будут «работать сообща, эффективно и решительно», а в конце подвёл аудиторию к необходимости солидарности: «Я призываю людей сохранять мир и согласие... Я уверен, что народ Индии объединится, чтобы противостоять этой серьёзной угрозе безопасности и целостности нации»⁵⁸.

⁴⁹ Transcripts of President Clinton's Two Speeches Following the U.S. Air Strikes against Sudan and Afghanistan. SpringerLink [Электронный ресурс]. 1998. URL: <https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&ved=2ahUKewii76awy9zuAhVypYsKHWF2B7YQFjAAegQIAhAC&url=https%3A%2F%2Flink.springer.com%2Fcontent%2Fpdf%2Fbbm%253A978-0-230-10122-7%252F1.pdf&usq=AOvVaw1nhBlt04yX1cFXjJ3MznBB> (accessed: 11.02.2021).

⁵⁰ Text: President Bush Addresses the Nation. Washington Post [Электронный ресурс]. 2001. URL: https://www.washingtonpost.com/wp-srv/nation/specials/attacked/transcripts/bushaddress_092001.html (accessed: 11.02.2021).

⁵¹ Ibid.

⁵² Обращение Президента России Владимира Путина. Президент России [Электронный ресурс]. 2004. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22589> (дата обращения: 11.02.2021)

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Text – Prime Minister's statement on Mumbai attack. Reuters [Электронный ресурс]. 2008. URL: <https://www.reuters.com/article/idINIndia-36741320081127?edition-redirect=in> (accessed: 11.02.2021).

⁵⁷ Ibid.

⁵⁸ Ibid.

Ярким примером функционирования конструкции в периоды борьбы с ИГИЛ можно назвать речь Ф. Олланда после терактов в Париже 2015 года. Во-первых, он призвал к общенациональной солидарности: «Я хотел бы выступить на совместном заседании парламента, чтобы продемонстрировать наше национальное единство»⁵⁹. Олланд тут же увязал теракты с борьбой против французских ценностей: «Они [атаки] являются актом агрессии против нашей страны, её ценностей, молодежи и её образа жизни...»⁶⁰. По мнению Олланда, принципиально наличие международной поддержки: «Я получаю послания солидарности от глав государств и правительств всего мира. А три цвета французского флага украсили самые известные достопримечательности»⁶¹. Таким образом, эмотив солидарности с его двумя опциональными компонентами — общенациональной и международной — внёс вклад в формирование рассматриваемой автором эмоциональной структуры.

* * *

Транснациональная структурная общность может быть, таким образом, концептуализирована через понятие эмоциональной культуры С. Кошута. Исследование показало, что в случае теракта все вышеперечисленные лидеры говорили почти об одних и тех же эмоциях. Это не означает, что все политики в любой точке мира делают то же самое. Задача работы состояла не в том, чтобы представить рассмотренную выше культуру как единственно доминирующую, но в концептуализации транснациональной структурной общности, что было бы невозможным, если сам факт её существования не доказан. Исследование подтвердило эмпирическое наличие транснациональной структурной общности в разных частях планеты и, сверх того, опро-

бовало инструментарий её деконструкции. Иными словами, работа показала, что определенная эмоциональная культурная конструкция существует, и эти выводы выведены на уровень обобщения — как минимум шести рассмотренных случаев. Общность функционирует, так как определённый эмоциональный код соединяет событие теракта с публичным образцом чувствования, содержание которого находится внутри культурного сценария. Он состоит из трёх частей: эмотив сожаления; компенсаторная конструкция, включающая в себя эмотивы борьбы со страхом через ответную решимость; наконец, эмотив солидарности.

В рассмотренных примерах присутствуют не только общие черты, но и уникальные характеристики. Например, в политической культуре США важное место занимает артикуляция эмоции гнева, слабо проявленная в других случаях. Тем не менее упомянутая троичная структура зафиксирована везде, дискурсивные агенты не опускают ни один элемент при её артикуляции. Дискурсивные агенты осознают роль эмоций в кризисные политические моменты после террористических актов. Представляется, что понятие эмотивов У. Редди наилучшим образом подходит для дополнения концепции Кошута инструментарием прикладной работы с текстами. Редди показал свойства эмотива как перформативного и констативного речевого акта одновременно [Reddy 2001: 63–112]. Кроме того, британец продемонстрировал, как дискурс-анализ эмоций работает применительно к словам, но сам Редди указал, что эмотив может быть репрезентирован через телесные проявления [Reddy 2001: 331], и впоследствии этот тезис был поддержан его последователями [Bloomhall 2017: 7–10]. Сочетание концепций эмоциональной культуры и эмотивов ещё не предо-

⁵⁹ 16 November 2015 – François Hollande's Speech Before a Joint Session of Parliament. Permanent mission of France to the United Nations in New York [Электронный ресурс]. 2015. URL: <https://onu.delegfrance.org/Francois-Hollande-s-Speech-Before-a-Joint-Session-of-Parliament> (accessed: 11.02.2021).

⁶⁰ Ibid.

⁶¹ Ibid.

ставляет все ответы относительно функционирования структурной общности, но вооружает общей теоретической рамкой для базового осмысления данного важнейшего феномена международных отношений.

Развитие области изучения эмоций в социальных науках определялось сложной диалектикой при анализе общего и уникального с акцентом на последнем. Подобное положение отражает наследие периода эмансипации от биологической парадигмы в 1980-х годах, когда доказать право на существование культуроцентричных исследований в антропологии и истории эмоций означало показать множественность эмоциональных паттернов в пространстве и времени. Фокус на уникальном также предполагал трудности с фиксацией структурной общности. У. Редди увидел ядро проблемы, обратил внимание на связку между ситуацией/событием и публичным образом чувствования и концептуализировал это в виде эмоционального режима. Соотношение общего и уникального при репрезентации эмоциональных переживаний отразилось в международных исследованиях эмоций в виде разделения на микро- (частные случаи) и макроподходы (абстрактный теоретический уровень). Следствием этого стало отсутствие внимания к структурной общности. Кроме того, исследователи склонны рассматривать общности на основе эмоций как коллективный субъект, а не часть системы в постпозитивистской онтологии, в результате чего повторяемость в качестве базиса структуры ускользает от анализа.

Если структурная общность внутри национального государства может быть осмыслена через теорию У. Редди, то транснациональная – через концепцию эмоциональной культуры С. Кошута. В эмпирическом разделе мы продемонстрировали её потенциал на примере кризисного реагирования после крупнейших терактов лидеров разных стран в 1970-х – 2010-х годах. Публичные образцы чувствования проявляются в разных участках транснациональной среды благодаря существованию социетальной общности – эмоциональной культуры.

Эмоциональные коды соединяют тип события (теракт) с надлежащими стандартами выражения коллективных эмоций – культурными сценариями. Рассмотренная структура трансляции эмоциональных переживаний состоит из трёх частей: мотив сожаления, компенсация (борьба со страхом через решимость) и мотив солидарности. Каждый из элементов структуры наблюдается в каждом из шести рассмотренных случаев, несмотря на то, что они относятся к различным периодам и странам. Со временем могла варьироваться степень насыщенности текстов эмоциональными категориями, но структура оставалась единой, культурный сценарий не менялся. Эмоциональная культура схватывает ядро проблемы – связку события с образом чувствования, которая обеспечивает повторяемость реакции. На практическом уровне концепция может быть дополнена понятием мотива У. Редди для осуществления работы с текстами в широком смысле, включая не только речевые акты.

Концепция эмоциональной культуры ещё находится в стадии становления и не может объяснить всех сторон работы транснациональной структурной общности. Например, остаётся туманным, как конкретно эмоциональная культура перемещается от одной страны к другой. Наша работа даёт основания предполагать, что, возможно, культура движется от ядра мир-системы к полупериферии и периферии. В дальнейшем возможны два пути исследований в данной области. Первый состоит в том, чтобы продолжить изучение эмоциональных культур и других концепций в конструктивистских исследованиях эмоций, идя индуктивным путем анализа случаев и делая последующие синтетические выводы на теоретическом уровне. Особого внимания заслуживает проблема изучения эмоциональной системы на глобальном уровне. Существует ли она? Как доказать её наличие? И главное – как она соотносится с транснациональной эмоциональной культурой? Второй же путь связан с эпистемическими интервенциями из смежных наук и дисциплин. Применительно к про-

блеме транснациональной структурной общности обращает на себя внимание потенциал социологического институционализма и исследований изоморфизма (феномен повторяемости схожих черт внутри разных организаций, включая государства). Одним из главных механизмов изоморфизма выступает мимезис – подражание одной организации другой в условиях неопределённости и нехватки альтернативных моделей поведения [DiMaggio, Powell 1983: 151]. Теракт и другие случаи манифестации структурной общности часто являются эксклюзивными событиями, поэтому можно говорить об эмоциональном миметическом изоморфизме. Модели социологического институционализма активно применяются в теории международных отношений (исследования норм в конструктивизме – [Finnemore 1996] как яркий, но не единственный пример). Область изучения эмоций в международных исследова-

ниях также может обогатиться за счет эпистемических интервенций.

Наконец, в то время как в мировой академической среде исследования эмоций в международных отношениях бурно развиваются, в русскоязычных исследованиях внимание к данной проблематике практически отсутствует. Работы В. Аванской остаются почти единственными в своём роде, хотя Россия не может существовать вне эмоционального поворота, который наблюдается во всем мире. Эмоции имеют значение, в том числе в политике и международных отношениях. Настоящая статья призвана стимулировать академические дебаты в этой области знания. В рамках эмоционального поворота остаётся ещё много вопросов, каждый из которых обладает колоссальной значимостью как для развития теории международных отношений, так и для повседневного политического праксиса.

Список литературы

- Аванская В.А. История холодной войны как история эмоций: на примере гонки ядерных вооружений // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2019. № 4. С. 10–22.
- Аванская В.А. Методология изучения эмоций в международных отношениях // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2018. № 3 (13). С. 42–60.
- Плампер Я. История эмоций. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 561 с.
- Abu-Lughod L. Veiled Sentiments: Honor and Poetry in a Bedouin Society. Berkeley: University of California Press, 2016. 384 p.
- Ahäll L., Gregory T. (eds). Emotions, Politics and War. New York: Routledge, 2015. 239 p.
- Bericat E. The Sociology of Emotions: Four Decades of Progress // Current Sociology. 2016. Vol. 64. No. 3. P. 491–513.
- Broomhall S. (eds). Early Modern Emotions: An Introduction. New York: Routledge, 2017. 386 p.
- Crawford N.C. The Passion of World Politics: Propositions on Emotion and Emotional Relationships // International Security. 2000. Vol. 24. No. 4. P. 116–156.
- D'Aoust A.M. Ties That Bind? Engaging Emotions, Governmentality and Neoliberalism: Introduction to the Special Issue // Global Society. 2014. Vol. 28. No. 3. P. 267–276.
- Demertzis N. Emotions and Populism // Emotion, Politics and Society / ed. by S. Clarke, P. Hoggett, S. Thompson. Palgrave Macmillan, London, 2006. P. 103–122.
- Derrida J. Of Grammatology. Baltimore, Maryland: Johns Hopkins University Press; Corrected edition, 2016. 456 p.
- DiMaggio P.J., Powell W.W. The Iron Cage Revisited: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Organizational Fields // American Sociological Review. 1983. Vol. 48. No. 2. P. 147–160.
- Edkins J. Poststructuralism & International Relations: Bringing the Political back in (Critical Perspectives on World Politics). Boulder: Lynne Rienner Publishers, 1999. 161 p.
- Elias N. The Civilizing Process: Sociogenetic and Psychogenetic Investigations. Hoboken: Blackwell Publishing; Revised edition, 2000. 586 p.
- Fattah Kh., Fierke K.M. A Clash of Emotions: The Politics of Humiliation and Political Violence in the Middle East // European Journal of International Relations. 2009. Vol. 15. No. 1. P. 67–93.
- Finnemore M. Norms, Culture, And World Politics: Insights from Sociology's Institutionalism // International organization. 1996. Vol. 50. No. 2. P. 325–347.

- Foucault M.* Madness and Civilization: A History of Insanity in the Age of Reason. New York: Vintage, 1988. 320 p.
- Frijda N.H., Mesquita B.* The Social Roles and Functions of Emotions // Emotions and Culture / ed. by H. R. Markus, S. Kitayama. New York, 1994. P. 51–87.
- Geertz C.* The Interpretation of Cultures. New York: Basic Books, 1973. 470 p.
- Hall T.* Emotional Diplomacy: Official Emotion on the International Stage. Ithaca, New York: Cornell University Press, 2015. 248 p.
- Hutchison E.* A Global Politics of Pity? Disaster Imagery and the Emotional Construction of Solidarity after the 2004 Asian Tsunami // International Political Sociology. 2014. Vol. 8. No. 1. P. 1–19.
- Hutchison E.* Affective Communities in World Politics: Collective Emotions after Trauma. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. 378 p.
- Hutchison E.* Emotions, Bodies, and the Un/Making of International Relations // Millennium. 2019. Vol. 47. No. 2. P. 284–298.
- Hutchison E.* Trauma and the Politics of Emotions: Constituting Identity, Security and Community after the Bali Bombing // International Relations. 2010. Vol. 24. No. 1. P. 65–86.
- Hutchison E., Bleiker R.* Emotions, Discourse and Power in World Politics // International Studies Review. 2017. Vol. 19. No. 3. P. 501–508.
- Hutchison E., Bleiker R.* Fear no More: Emotions and World Politics // Review of International Studies. 2008. Vol. 34. No. 1. P. 115–135.
- Hutchison E., Bleiker R.* Theorizing Emotions in World Politics // International Theory. 2014. Vol. 6. No. 3. P. 491–514.
- Jervis R.* Perception and Misperception in International Politics: New Edition. Princeton: Princeton University Press, 2017. 544 p.
- Koschut S.* Emotional (Security) Communities: The Significance of Emotion Norms in Inter-Allied Conflict Management // Review of International Studies. 2013. P. 1–26.
- Koschut S. et al.* Discourse and Emotions in International Relations // International Studies Review. 2017. Vol. 19. No. 3. P. 481–508.
- Koschut S.* The Power of (Emotion) Words: On the Importance of Emotions for Social Constructivist Discourse Analysis in IR // Journal of International Relations and Development. 2018. Vol. 21. No. 2. P. 495–522.
- Koschut S.* The structure of Feeling – Emotion Culture and National Self-Sacrifice in World Politics // Millennium. 2017. Vol. 45. No. 2. P. 174–192.
- Lemmings D., Brooks A.* The Emotional Turn in the Humanities and Social Sciences / Emotions and Social Change. Historical and Sociological Perspectives // In Lemmings D., Brooks A. (eds). New York: Routledge, 2014. P. 3–18.
- Lutz C.A.* Unnatural Emotions: Everyday Sentiments on a Micronesian Atoll and their Challenge to Western Theory. Chicago: University of Chicago Press, 1988. 281 p.
- Mercer J.* Human Nature and the First Image: Emotion in International Politics // Journal of International Relations and Development. 2006. Vol. 9. No. 3. P. 288–303.
- Nussbaum M.C.* Political Emotions. Cambridge, Massachusetts: The Belknap Press of Harvard University Press, 2013. 457 p.
- Reddy W.M.* Emotional Liberty: Politics and History in the Anthropology of Emotions // Cultural anthropology. 1999. Vol. 14. No. 2. P. 256–288.
- Reddy W.M.* The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 380 p.
- Rosaldo M.Z.* Knowledge and Passion: Ilongot Notions of Self & Social Life (Cambridge Studies in Cultural Systems). Cambridge: Cambridge University Press, 1980. 286 p.
- Rosenwein B.H.* Emotional Communities in the Early Middle Ages. Ithaca & London: Cornell University Press, 2006. 228 p.
- Ross A.A.G.* Coming in from the Cold: Constructivism and Emotions // European Journal of International Relations. 2006. Vol. 12. No. 2. P. 197–222.
- Sasly B.E.* Emotions in International Relations // E-International Relations. 2013. URL: <http://www.e-ir.info/2013/06/12/emotions-in-international-relations> (accessed 11.02.2021)
- Stearns P.N., Stearns C.Z.* Emotionology: Clarifying the History of Emotions and Emotional Standards // The American Historical Review. 1985. Vol. 90. No. 4. P. 813–836.
- Tsygankov A.* The Frustrating Partnership: Honor, Status, and Emotions in Russia's Discourses of the West // Communist and Post-Communist Studies. 2014. Vol. 47. No. 3. P. 345–354.
- Waever O.* Identity, Communities and Foreign Policy: Discourse Analysis as Foreign Policy Theory / European Integration and National Identity: The Challenge of the Nordic States // In Hansen L., Waever O (eds.). London; New York, 2002. P. 20–49.

EMOTIONS AND INTERNATIONAL RELATIONS

GLEB KOTSUR

Saint – Petersburg State University, Saint – Petersburg, 191060, Russia

Abstract

This article is the part of the recent emotional turn when the scholars of social science are paying more attention to the study of collective emotions in international affairs. The former dominance of the biological and essentialist paradigms in this field were replaced by a number of culture-centered approaches based on social constructivism, which were elaborated within two pioneering disciplines – anthropology of emotions and history of emotions. The influence of such a scientific revolution included the key axis of the common – unique with an emphasis on the latter. The IR has been also affected by an emotional turn when the field of constructivist emotional studies had been established in the early 2000s. The object of this work is the transnational structural common – collective emotional patterns that have recurrent nature and emerge beyond state borders. This part of reality has not been conceptualized by scholars. Therefore, the aim of the article is to fill an epistemological vacuum and outline the ways for conceptualization of transnational structural common. It is IR that seem to be the most suitable field to do this. The empirical case of the crisis response after terrorist attacks are analyzed as the example of the transnational structural common. This case is explored by the author through the framework of "emotion culture" by S. Koschut in combination with the concept of "emotives" by W. Reddy. Speeches by the leaders of Israel, the United States, Russia, India and France after six terrorist attacks from 1972 to 2015 allow to identify an integrated tripartite emotional structure, which is observed in each of the cases. This structure includes an emotive of pity; compensatory structure with the emotives of fighting fear through reciprocal determination; finally, an emotive of solidarity. This discursive structure functions in a stable way because the emotional code connects the type of event (terrorist attack) with the cultural script (tripartite structure). Finally, some approaches in sociological institutionalism would enrich future studies of emotion culture.

Keywords:

emotional turn; social constructivism; postpositivism; discourse; emotion culture; emotional codes; cultural scripts; international terrorism; fight against terror.

References

- Abu-Lughod L. (2016). *Veiled Sentiments: Honor and Poetry in a Bedouin Society*. Berkeley: University of California Press. 384 p.
- Åhäll L., Gregory T. (eds.) (2015). *Emotions, Politics and War*. New York: Routledge. 239 p.
- Avanskaja V. A. (2018). Metodologija izuchenija jemocij v mezhdunarodnyh otnoshenijah [Methodology for the Study of Emotions in International Relations]. *Vestnik RGGU. Serija: Politologija. Istorija. Mezhdunarodnye otnoshenija*. No. 3 (13). P. 42–60.
- Avanskaja V. A. (2019). Istoriya kholodnoj vojny kak istoriya jemotsij: na primere gonki yadernykh vooruzhenij [The History of the Cold War as a History of Emotion: The Case of the Nuclear Arms Race]. *Vestnik RGGU. Serija: Politologija. Istorija. Mezhdunarodnye otnoshenija*. No. 4. P. 10–22.
- Bericat E. (2016). The Sociology of Emotions: Four Decades of Progress. *Current Sociology*. Vol. 64. No. 3. P. 491–513.
- Broomhall S. (ed.) (2017). *Early Modern Emotions: An Introduction*. New York: Routledge. 386 p.
- Crawford N. C. (2000). The Passion of World Politics: Propositions on Emotion and Emotional Relationships. *International Security*. Vol. 24. No. 4. P. 116–156.
- D'Aoust A. M. (2014). Ties That Bind? Engaging Emotions, Governmentality and Neoliberalism: Introduction to the Special Issue. *Global Society*. Vol. 28. No. 3. P. 267–276.

- Demertzis N. (2006) Emotions and Populism. In: Clarke S., Hoggett P., Thompson S. (eds) *Emotion, Politics and Society*. Palgrave Macmillan, London. P. 103–122.
- Derrida J. (2016). *Of Grammatology*. Baltimore, Maryland: Johns Hopkins University Press. 456 p.
- DiMaggio P. J., Powell W. W. (1983). The Iron Cage Revisited: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Organizational Fields. *American Sociological Review*. Vol. 48. No. 2. P. 147–160.
- Edkins J. (1999). *Poststructuralism & International Relations: Bringing the Political back in (Critical Perspectives on World Politics)*. Boulder: Lynne Rienner Publishers. 161 p.
- Elias N. (2000). *The Civilizing Process: Sociogenetic and Psychogenetic Investigations*. Hoboken: Blackwell Publishing. 586 p.
- Fattah Kh., Fierke K. M. (2009). A Clash of Emotions: The Politics of Humiliation and Political Violence in the Middle East. *European Journal of International Relations*. Vol. 15. No. 1. P. 67–93.
- Finnemore M. (1996). Norms, Culture, And World Politics: Insights from Sociology's Institutionalism. *International organization*. Vol. 50. No. 2. P. 325–347.
- Foucault M. (1988). *Madness and civilization: A History of Insanity in the Age of Reason*. New York: Vintage. 320 p.
- Frijda N. H., Mesquita B. (1994). The Social Roles and Functions of Emotions. In Markus H. R., Kitayama S. (eds.) *Emotion and Culture: Empirical Studies of Mutual Influence*. New York: American Psychological Association. P. 51–87.
- Geertz C. (1973). *The Interpretation of Cultures*. New York: Basic Books. 470 p.
- Hall T. (2015). *Emotional Diplomacy: Official Emotion on the International Stage*. Ithaca, New York: Cornell University Press. 248 p.
- Hutchison E. (2014). A Global Politics of Pity? Disaster Imagery and the Emotional Construction of Solidarity after the 2004 Asian Tsunami. *International Political Sociology*. Vol. 8. No. 1. P. 1–19.
- Hutchison E. (2016). *Affective Communities in World Politics: Collective Emotions after Trauma*. Cambridge: Cambridge University Press. 378 p.
- Hutchison E. (2019). Emotions, Bodies, and the Un/Making of International Relations. *Millennium*. Vol. 47. No. 2. P. 284–298.
- Hutchison E. (2010). Trauma and the Politics of Emotions: Constituting Identity, Security and Community after the Bali Bombing. *International Relations*. Vol. 24. No. 1. P. 65–86
- Hutchison E., Bleiker R. (2017). Emotions, Discourse and Power in World Politics. *International Studies Review*. Vol. 19. No. 3. P. 501–508.
- Hutchison E., Bleiker R. (2008). Fear no More: Emotions and World Politics. *Review of International Studies*. Vol. 34. No. 1. P. 115–135.
- Hutchison E., Bleiker R. (2014). Theorizing Emotions in World Politics. *International Theory*. Vol. 6. No. 3. P. 491–514.
- Jervis R. (2017). *Perception and Misperception in International Politics: New Edition*. Princeton: Princeton University Press. 544 p.
- Koschut S. (2013). Emotional (Security) Communities: The Significance of Emotion Norms in Inter-Allied Conflict Management. *Review of International Studies*. Vol. 40. No. 3. P. 1–26.
- Koschut S. (2018). The Power of (Emotion) Words: On the Importance of Emotions for Social Constructivist Discourse Analysis in IR. *Journal of International Relations and Development*. Vol. 21. No. 2. P. 495–522.
- Koschut S. (2017). The Structure of Feeling – Emotion Culture and National Self-Sacrifice in World Politics. *Millennium*. Vol. 45. No. 2. P. 174–192.
- Koschut S., Hall T. H., Wolf R., Solomon T., Hutchison E., Bleiker R. (2017). Discourse and Emotions in International Relations. *International Studies Review*. Vol. 19. No. 3. P. 481–508.
- Lemmings D., Brooks A. (2014). The Emotional Turn in the Humanities and Social Sciences. In Lemmings D., Brooks A. (eds.) *Emotions and Social Change. Historical and Sociological Perspectives*. New York: Routledge. P. 3–18.
- Lutz C. A. (1988). *Unnatural Emotions: Everyday Sentiments on a Micronesian Atoll and their Challenge to Western Theory*. Chicago: University of Chicago Press. 281 p.
- Mercer J. (2006). Human Nature and the First Image: Emotion in International Politics. *Journal of International Relations and Development*. Vol. 9. No. 3. P. 288–303.
- Nussbaum M. C. (2013). *Political Emotions*. Cambridge, Massachusetts: The Belknap Press of Harvard University Press. 457 p.
- Plamper Y. (2018). *Istoriya jemotsij [The History of Emotions: An Introduction]*. Moscow. 561 p.
- Reddy W. M. (1999). Emotional Liberty: Politics and History in the Anthropology of Emotions. *Cultural Anthropology*. Vol. 14. No. 2. P. 256–288.
- Reddy W. M. (2001). *The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions*. Cambridge: Cambridge University Press. 380 p.

- Rosaldo M. Z. (1980). *Knowledge and Passion: Ilongot Notions of Self & Social Life*. Cambridge: Cambridge University Press. 286 p.
- Rosenwein B. H. (2006). *Emotional Communities in the Early Middle Ages*. Ithaca & London: Cornell University Press. 228 p.
- Ross A. A. G. (2006). Coming in from the Cold: Constructivism and Emotions. *European Journal of International Relations*. Vol. 12. No. 2. P. 197–222.
- Sasley B. E. (2013). Emotions in International Relations. *E-International Relations*. URL: <http://www.e-ir.info/2013/06/12/emotions-in-international-relations> (accessed 11.02.2021)
- Stearns P. N., Stearns C. Z. (1985). Emotionology: Clarifying the History of Emotions and Emotional Standards. *The American Historical Review*. Vol. 90. No. 4. P. 813–836.
- Tsygankov A. (2014). The Frustrating Partnership: Honor, Status, and Emotions in Russia's Discourses of the West. *Communist and Post-Communist Studies*. Vol. 47. No. 3. P. 345–354.
- Waever O. (2002). Identity, Communities and Foreign Policy: Discourse Analysis as Foreign Policy Theory. In Hansen L., Waever O (eds.) *European Integration and National Identity: The Challenge of the Nordic States*. London; New York: Routledge. P. 20-49.